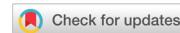

DBHTHQ

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН КАК «СЕРАЯ ЗОНА»: БАЛАНСИРОВАНИЕ НА ГРАНИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

B. B. Стрюковатый¹

Н. М. Межевич²

Ю. М. Зверев¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11/3

Поступила в редакцию 21.04.2025 г.

Принята к публикации 10.09.2025 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-2

© Стрюковатый В. В., Межевич Н. М.,
Зверев Ю. М., 2025

Исследуется Балтийский регион как зона повышенной конфронтации между Россией и коллективным Западом в контексте концепции «серой зоны» — пространства, где традиционные военные угрозы сочетаются с гибридными методами ведения войны. Авторы анализируют факторы эскалации напряженности в регионе, включая милитаризацию, экономические санкции, информационное давление и использование прокси-сил. Особое внимание уделяется географическим и правовым аспектам, влияющим на стратегическую нестабильность, а также историческим прецедентам, таким как опыт Второй мировой войны, для понимания современных угроз. Статья раскрывает методы, применяемые НАТО и странами Балтийского региона для создания «серой зоны», включая наращивание военного присутствия, манипуляции в правовом поле и использование невоенных средств давления. Авторы приходят к выводу, что Балтийский регион балансирует на грани открытого конфликта, а действия Запада направлены на подрыв российского суверенитета в регионе без прямого военного столкновения. В исследовании применяются методы сравнительного анализа, качественных характеристик контент-анализа используемых источников и ивент-анализа действий государств — членов ЕС и НАТО для оценки создаваемых ими угроз.

Ключевые слова:

Балтийский регион, «серая зона», вооруженный конфликт, НАТО, ЕС, конфронтация, Россия

Введение

В последние годы Балтийский регион превратился в одно из наиболее напряженных пространств в отношениях между Россией и странами Запада. Причиной этому стали как географические и geopolитические факторы, так и стремление НАТО и входящих в нее государств региона, прежде всего стран Балтии и Польши, а также Швеции и Финляндии, создать для России в Балтийском регионе «зону нестабиль-

ности и неопределенности». С началом украинского кризиса в 2014 г. в Балтийском регионе начала нарастать его милитаризация и, как следствие, повышаться уровень опасений по поводу безопасности в регионе [1; 5].

По мнению Дж. Миршаймера, Запад старается сделать «токсичными» отношения сторон в конфликте России с Украиной и выступающей на ее стороне западной коалиции, чтобы не допустить возможностей для окончания вооруженного противостояния. Кроме того, по его мнению, в Восточной Европе существуют потенциальные точки напряженности: Балтика, Беларусь, Калининград, Молдавия и Черное море, которые могут «взорваться на наших глазах»¹. Три из выделенных Миршаймером потенциальных точек напряженности находятся в расширенном Балтийском регионе: Балтика, Калининград и Беларусь.

Европейский союз (ЕС), в который входят все зарубежные государства Балтийского региона, проводит в отношении России агрессивную санкционную политику, призываю к полной изоляции российской экономики и введению вторичных санкций против государств-партнеров России. С 2024 г. ЕС активизировал различные инструменты для наращивания потенциала европейского военно-промышленного комплекса, создания единой системы ПРО-ПВО и усиления координации в области обороны [2; 21]. В настоящее время страны НАТО интенсифицировали наращивание своего военного присутствия и развитие военной инфраструктуры в регионе, увеличили интенсивность и масштабы проводимых военных учений, изменив при этом их характер на явно агрессивный.

После 24 февраля 2024 г. США, НАТО и ЕС, как и отдельные государства Балтийского региона, изменили свои риторику и действия на открыто конфронтационные, в том числе заявляя о готовности разместить на своей территории ядерное оружие². Причем наиболее жесткие антироссийские призывы в НАТО и ЕС, вплоть до применения военной силы для изоляции России в Балтийском регионе, исходят главным образом от представителей государств именно Балтийского региона — Прибалтийских республик, Польши, Швеции и Финляндии. Таким образом, речь идет не только об использовании экономического и политического давления на Россию, но и военного, оказываемого с помощью непрямых военных методов и средств, направленных на причинение ей максимального ущерба, которые в теории военных концепций получили название «гибридной войны» [3, 9; 4, с. 49]. Такие асимметричные действия, проводимые как государствами, так и негосударственными акторами, оцениваются ими как «дешевая альтернатива традиционной войне» [5, с. 78].

По мнению начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации В. В. Герасимова, «применение непрямых асимметричных действий и способов ведения “гибридных войн” позволяет лишить противоборствующую сто-

¹ Prof. John Mearsheimer: No Hope For Ukraine Peace Deal? 2025, Glenn Greenwald, January 25, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lCeGZ5ORnyc> (дата обращения: 02.02.2025).

² Hallituksen esitys Nato-jäsenyydestä: ei rajoituksia ydinaseille Suomessa, 2022, Lauri Nurmi, *Iltalehti*, 26.10.2022. URL: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/79b81501-689d-4ad8-bf69-cbaab71985> (дата обращения: 07.04.2025) ; DCA-sopimus julki: Nämä 15 aluetta Suomi avaa Yhdysvaltain joukoille — puolustusministeri: “Kriisitilanteissa voidaan ryhtyä tositoimiin”, 2023, *Yle*, 14 Decembre, URL: <https://yle.fi/a/74-20065054> (дата обращения: 07.04.2025) ; Zapytaliśmy Andrzeja Dudę, czy Polskę czeka wojna? Wprost powiedział, co myśli o słowach Tuska, 2024, *Fakt*, 22 kwietnia, URL: <https://www.fakt.pl/polityka/amerykanie-pytali-andrzej-dude-o-nuclear-sharing-zglosilem-nasza-gotowosc/g79lhxx> (дата обращения: 07.04.2025) ; Nauséda branduolinio ginklo Lenkijoje idėją vadina “svarbiu atgrasymo veiksniu”, 2024, *LRT.lt*, April 26, URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/2260182/nauseda-nazyvaet-ideiu-o-iadernom-oruzhii-v-pol-she-vazhnym-faktorom-sderzhivaniia> (дата обращения: 07.04.2025).

рону фактического суверенитета без захвата территории государства военной силой» [6, 20]. Как неоднократно заявляли президент Российской Федерации В. В. Путин и представители МИД России, Соединенными Штатами и их союзниками против России ведется «гибридная война» со всеми ее составляющими — военной, экономической, культурной, медийной¹.

По нашему мнению, действия НАТО и отдельных государств-членов по ведению «гибридной войны» против России создали предпосылки для формирования в Балтийском регионе «серой зоны» (Grey Zone) как театра военных действий, где традиционная военная сила и возникающие на ее фоне военные угрозы играют роль военного прикрытия политических и экономических средств и методов оказания давления на Российскую Федерацию. Это, в свою очередь, создает непосредственные угрозы национальным интересам и безопасности Российской Федерации в регионе Балтийского моря, на которые она не может не реагировать [7, с. 10].

Важной характеристикой стратегии «серой зоны», по мнению А. Бартоша, является поэтапный подход к ее реализации, достигаемый формированием череды нарастающих по силе маломасштабных событий, которые формируют в итоге новую стратегическую реальность [8, 25]. В этих условиях, по мнению авторов, Балтийский регион балансирует на грани открытого вооруженного конфликта, что требует уточнения понятия «серая зона», анализа и оценки факторов развития напряженности в Балтийском регионе в контексте происходящих в регионе событий, связанных с нарастающей угрозой прямого вооруженного конфликта.

В данной статье авторы не ставят перед собой философскую и методологическую задачи особой сложности, пытаясь в очередной раз обсудить специфику войны и мира на современном этапе. С нашей точки зрения, само формирование «концепции «серой зоны» является указанием на то, что между войной и миром существует множество переходных состояний. Ключевым элементом операций в «серой зоне» выступает то, что они остаются ниже порога прямой вооруженной агрессии, которая могла бы повлечь за собой законный военный ответ (*jus ad bellum* — право войны, или, точнее, право на войну). Таким образом, конфликт в «серой зоне» может быть не только альтернативой прямого военного противостояния, но и способом подготовки к нему или же одной из составляющих начавшегося вооруженного противостояния. С нашей точки зрения, в Балтийском регионе возможны как первый, так и второй варианты.

В этой связи авторы подчеркивают, что Балтийский регион необходимо рассматривать как уже сформировавшуюся «серую зону» противостояния с Западом. При этом анализ его географических, исторических и стратегических особенностей лишь конкретизирует это понятие в существующем геополитическом контексте, дополняя существующие определения.

Таким образом, целью данной статьи является критическая оценка Балтийского региона как «серой зоны» в контексте развития конфронтации России с коллективным Западом. Для достижения цели исследования нами будут рассмотрены задачи, направленные на анализ подходов в академической и военно-политической среде

¹ См. напр.: МИД заявил, что против России объявлена полноценная гибридная война. Лавров: США и их спутники объявили России глобальную гибридную войну, 2022, *Газета.Ru*, 28 марта, URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/28/17487697.shtml> (дата обращения: 10.02.2025) ; «Не на жизнь, а на смерть»: Лавров о гибридной войне Запада против РФ, Интервью министра иностранных дел России С. Лаврова, 2023, *Газета.RU*, 10 марта 2023, URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/02/15/19754143.shtml?utm_source=rnews&utm_medium=exchange&utm_campaign=news (дата обращения: 10.02.2025) ; Путин заявил о гибридной войне против России // Заявление президента России В. В. Путина на заседании ШОС, 2023, РИА, 04.07.2023, URL: <https://ria.ru/20230704/rossiya-1882083450.html> (дата обращения: 10.02.2025).

к понятию «серая зона» и ее терминологическую неоднозначность, определение влияния географических факторов на формирование «серой зоны», анализ и оценку закономерностей, характерных для действий в «серой зоне», а также критическую оценку деятельности НАТО и ее отдельных государств-членов в Балтийском регионе, направленных на усиление конфронтации с Российской Федерацией, но не переходящей в открытое вооруженное противостояние.

Методология, использованная в данном исследовании, состоит в применении сравнительного анализа научных работ отечественных и зарубежных авторов, а контент-анализа качественных характеристик российских и зарубежных аналитических источников, а также ряда доктринальных документов НАТО, посвященных вопросам «серой зоны». Для выявления закономерностей и классификации средств и методов, используемых против Российской Федерации, использовался ивент-анализ, в ходе которого изучались, в частности, учения НАТО, проводимые в Балтийском регионе, инциденты на подводной инфраструктуре в Балтийском море и реакция на них представителей НАТО, ЕС и государств региона, а также прецеденты взаимодействия Российской Федерации с НАТО и ее государствами-членами в Балтийском регионе.

Для достижения поставленных целей в статье последовательно рассматриваются концептуальные основы «серой зоны», правовые аспекты конфликтов в «серой зоне», влияние фактора географического пространства Балтийского региона, значение географических особенностей региона в контексте исследования, а также действия государств — членов ЕС и НАТО по повышению уровня конфронтации с Российской Федерацией в Балтийском регионе.

«Серая зона» и «гибридная война»: неоднозначность определений и масштаб современных угроз в контексте их правовой неопределенности

В настоящее время термин «серая зона», также как и термины «гибридные угрозы» и «гибридная война», получил широкое распространение среди политиков и военных аналитиков как в России, так и за рубежом. Однако среди экспертов до сих пор нет однозначного подхода к определению и содержанию этих понятий несмотря на то, что их нельзя назвать новыми. Новыми скорее являются масштаб и методы использования старых инструментов.

Разумеется, гибридные угрозы могут быть использованы сторонами конфликта в любых регионах, в том числе с вполне определенным правовым режимом, исключающим произвольные трактовки. Однако именно в «серых зонах» продвижение гибридных угроз упрощается, так как обращение к нормам международного права становится затруднительным.

Как правило, все три термина используются для определения действий одной из сторон конфликта по отношению к другой (или сторонами друг против друга), без перехода к открытому вооруженному столкновению.

По мнению одного из авторов концепции «гибридной войны» Ф. Хоффмана, такая тенденция «размывает» границы между известными ранее типами войн [9]. Современную концепцию «гибридных войн» принято рассматривать как адаптацию традиционных методов ведения войны к сложившейся современной мировой обстановке, которая, как и война, имеет свойство быстро адаптироваться к политическим, экономическим, технологическим и социальным изменениям [10, р. 10].

В 1948 г. «архитектор» Холодной войны Дж. Кеннан подготовил для Совета Национальной безопасности США доклад, касающийся начала «организованной политической войны», которую он определил как «все средства, имеющиеся в распоряжении государства, за исключением войны, для достижения национальных целей». В докладе он отмечал, что Соединенные Штаты не могут позволить себе в

будущем в случае более серьезных политических кризисов прибегать к импровизированным тайным операциям [11, р. 253]. То есть Дж. Кеннан фактически заложил основу для планирования Соединенными Штатами невоенных операций.

Во многих отношениях концепция Кеннана вписывается в концепцию Дж. Ная об «умной силе» (Smart Power), в соответствии с которой действия Соединенных Штатов могут варьироваться от оказания политического влияния до экономических санкций и дипломатии принуждения. Круг таких действий настолько широк, что может охватывать практически все сферы государства-мишени. При этом отличительной чертой этих действий является оказание влияния на его (государства-мишени) политическое руководство [12, р. 64].

В этой связи авторы считают актуальным высказывание начальника Генерального штаба ВС РФ генерала армии В. В. Герасимова, который утверждает, что с появлением новых сфер противоборства в современных конфликтах методы борьбы все чаще смещаются в сторону комплексного применения невоенных мер, реализуемых с опорой на военную силу [13]. Как отметил М. Галеотти, Герасимов выразил убежденность в том, что современный мир столкнулся с более сложными, политически обусловленными формами противостояния наряду с традиционными военными действиями [14, р. 27].

В обзоре НАТО по вопросам безопасности отмечено, что гибридные конфликты включают в себя многоуровневые усилия, направленные на дестабилизацию функционирования государства и поляризацию его общества, так как именно население государства является «центром тяжести» в гибридной войне. Поэтому главной целью является оказание влияния на действия политиков, принимающих ключевые решения, посредством военных и невоенных операций [15].

В этой связи авторы полагают необходимым отметить, что в 2019 г. генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг в своем ежегодном докладе подтвердил, что для НАТО приоритетом является не только способность противодействовать гибридным угрозам, но и повышение способности самостоятельно проводить операции, в том числе за счет увеличения количества проводимых учений и использования групп и центров поддержки. При этом в докладе отмечается, что враждующим государствам нет необходимости выходить на поле боя, чтобы нанести ущерб своим противникам. Они могут получать политические и стратегические выгоды иными методами, такими как дезинформация, кибернападения, введение в заблуждение и диверсионная деятельность. Такие гибридные действия, или действия в «серых зонах», размыают грань между миром и войной и используются для дестабилизации и подрыва затрагиваемых стран¹. Они непосредственно ставят под угрозу способность государства-мишени осуществлять своевременные действия, направленные на раннее обнаружение и предупреждение угроз, так как большое количество действий против государства-мишени относится к сферам, которые традиционно рассматриваются вне прямого вооруженного конфликта.

Одним из главных признаков «гибридных угроз», по мнению западных аналитиков, является их применение в «серой зоне», неоднозначность стратегического замысла государства-агрессора с акцентом на непрямые методы и средства применения силы по отношению к государству-мишени².

¹ The Secretary General's Annual Report 2019, 2019, NATO, 21 April, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_174399.htm (дата обращения: 20.03.2025).

² Deterrence by Punishment as a way of Countering Hybrid Threats — Why we need to go ‘beyond resilience’ in the gray zone. Information Note, 2019, *Multinational Capability Development Campaign (MCDC)*, March 2019, URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5c7d01abe-5274a3b858207fc/20190304-MCDC_CHW_Information_note_-_Deterrence_by_Punishment.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

В официальных документах термин «серая зона» был впервые использован в Четырехгодичном обзоре Министерства обороны США за 2010 г. (QDR-2010). В этом обзоре «серая зона» описывается как преднамеренная, многофакторная и враждебная межгосударственная деятельность, которая находится ниже порога применения вооруженных сил¹. При этом сферой межгосударственных враждебных действий является экономическое, политическое, социальное, информационное, географическое пространство, а объектами воздействия — объекты политической, экономической и социальной систем, информационные, а также материальные (ресурсные, пространственно-временные) объекты [16, с. 6].

Однако «серая зона» ни как концепт современного противостояния, ни как потенциальный театр военных действий не фигурирует в официальных документах НАТО, хотя Альянс рассматривает ее в контексте гибридных угроз. При этом основным источником гибридных угроз и НАТО, и его участники видят только Россию. Поэтому основные стратегии НАТО направлены на противодействие таким методам через усиление киберзащиты и энергетической инфраструктуры, средства контрпропаганды и сдерживание невоенных угроз².

Таким образом, невоенные меры и средства по своей эффективности сравнялись с военными, если не превзошли их. Невоенными мерами и средствами стало возможным добиваться таких целей, которые раньше достигались кровопролитными войнами. Хотя крупная война по-прежнему возможна, однако теперь она сопряжена с серьезными издержками и рисками, особенно для государств, обладающих ядерным оружием, поэтому риск начала такой войны маловероятен [17, р. 56].

В отличие от традиционных форм войны в «серой зоне» реализуются агрессивные государственные стратегии с высокими ставками, в которых каждый из участников использует различные инструменты влияния и запугивания для достижения конечных целей войны с помощью скрытых или открытых средств и методов, провокаций и конфликтов [7, с. 26]. В подобной ситуации государства, не обладающие возможностями для достижения своих стратегических целей с помощью только обычных военных средств, могут прибегнуть к их достижению с помощью комбинаций невоенных методов и средств. Так же и государства, обладающие необходимыми военными средствами, могут добиваться стратегических целей с помощью использования невоенных методов. В обоих случаях использование невоенных методов связано с целью избежать прямого военного столкновения с противником. В этом случае «серая зона» наиболее соответствует достижению стратегических целей, так как цели любой военной кампании вытекают из политических интересов и задач.

¹ U.S. Department of Defense, 2010, *Quadrennial Defense Review Report*, February 2010, URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR2010.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).

² Strategic Concept, 2022, *NATO Official Website*, 29 June 2022, URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 22.07.2025); Brussels Summit Community — Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021, 2021, *NATO Official Website*, 14 June 2021, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (дата обращения: 22.07.2025); NATO Cyber Defence, 2024, *NATO Official Website*, 30 July 2024, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_78170.htm (дата обращения: 22.07.2025); NATO Countering hybrid threats, 2024, *NATO Official Website*, 07 May 2024, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (дата обращения: 22.07.2025); Russia's Information Influence Operations in the Nordic — Baltic Region, 2024, *STRATCOM*, Riga, November 2024, URL: <https://stratcomcoe.org/publications/russias-information-influence-operations-in-the-nordic-baltic-region/314> (дата обращения: 22.07.2025).

В этих условиях роль военной силы сохраняется и может даже возрастать, хотя использование невоенных средств, особенно информационно-психологического характера, будет ключевым фактором ведения войны нового типа [18, с. 44]. При этом принципы ведения боевых действий в «серой зоне» будут совершенно иными в отличие от доктрины большой войны, гласившей, что успех зависит от сосредоточенности, быстроты и решительности. Основной же целью кампаний в «серой зоне» является создание новых политических реальностей, соответствующих интересам государства-агрессора или коалиции таких государств.

Таким образом, под «серой зоной» в данном исследовании авторы понимают географическое пространство конфликта, где стороны для достижения своих политических целей используют невоенные методы, сочетая их с ограниченным применением военной силы, не переходящим в открытое противостояние между ними. При этом главное отличие «серой зоны» от «гибридной войны», по нашему мнению, состоит в том, что «серая зона» предполагает действия сторон конфликта в определенном географическом пространстве, тогда как «гибридная война» — это более общее и, как следствие, более абстрактное понятие, поскольку любая война вне зависимости от ее форм и методов предполагает противостояние сторон конфликта как состояние их отношений.

Характерной особенностью кампаний в «серой зоне», в отличие от «гибридных угроз», является правовая дилемма, так как любая операция в «серой зоне» предполагает отказ от норм международного права, которые в большей степени, чем законы военного времени, ограничивают обороняющееся государство в праве на ответное применение силы, создавая для него правовые неопределенности. Эту специфику «серой зоны» подтверждает заявление командующего силами специальных операций армии США генерала Дж. Вотеля, согласно которому «в «серой зоне» государства сталкиваются с неопределенностью в отношении характера конфликта, статуса вовлеченных в него сторон и юридической обоснованности политических претензий» [19].

В частности, закрепленная в ст. 2 (4) Устава ООН норма о запрете применения силы или угрозы ее применения государствами-членами, не содержит такой дефиниции, как «война»¹. Кроме того, термин «сила» используется для обозначения широкого круга форм конфликта, однако преобладающая трактовка сводится к «военной силе», характеризующей вооруженный конфликт. При этом императив данной статьи Устава ООН не распространяется на негосударственные субъекты, если только не существует тесной связи между государствами и негосударственными субъектами, которая сводится к поддержке негосударственного субъекта или согласия на его агрессивные действия [20, р. 53].

Каких-либо императивных норм о запрете иных форм и методов агрессивных действий (политических, экономических, информационных и др.) и получения выгоды от их применения Устав ООН не содержит. Такие формы и методы потенциально могут быть приравнены к незаконному применению силы, если они причиняют значительный вред государству-мишени или принуждают его к действиям, нарушающим его суверенитет [21, р. 73]. Однако доказать использование невоенных форм и методов в качестве «военной силы» практически невозможно. Таким образом, невозможность применения стандартов, основанных на нормах международного права, и несогласованность «серой зоны» с традиционными формами и методами конфликта и применения силы создают юридическую неопределенность в определении наличия агрессии и участия в ней конкретных государств. На меж-

¹ United Nations, 1945. Charter of the United Nations, 1 UNTS XVI, 2025, UN Charter | United Nations, URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (дата обращения: 30.03.2025).

дународном уровне это создает вводящее в заблуждение предположение о том, что государство-мишень не осведомлено или недостаточно осведомлено о действиях государства-агрессора. Однако такое предположение неверно, и государство-мишень на самом деле, как правило, знает о действиях противника, но ограничено в применении ответных мер.

Наличие правовой неопределенности позволяет противникам использовать в «серой зоне» комплексный набор методов и средств для достижения своих стратегических целей, не переходя порог открытого военного конфликта. При этом государства могут применять прокси-силы, чтобы повысить уровень собственной военной мощи, а также иметь возможность отрицать свою причастность к агрессивным действиям. То есть наличие правовой неопределенности и возможности отрицать участие в конфликте позволяет государству-агрессору (или коалиции таких государств) ограниченно использовать свои вооруженные силы для оказания давления на государство-мишень. Ограничное использование вооруженных сил предполагает, например, их размещение вблизи территории государства-мишени, проведение крупномасштабных учений, проведение тайных военных операций (диверсий, актов саботажа и т. д.) с использованием сил специальных операций. Сам механизм использования вооруженных сил не так важен, как угроза применения военной силы, которая должна заставить руководство государства-мишени переосмыслить риск открытого вооруженного противостояния. То есть инициаторы конфликтов в «серой зоне» могут обладать военным превосходством, что иногда имеет решающее значение для сдерживания государства-мишени от ответа на провокации применением военной силы [22, р. 190].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что любые действия противоборствующих сторон в «серой зоне» сопровождаются использованием вооруженных сил (в том числе прокси) для достижения максимального эффекта от использования других, невоенных, методов и средств для реализации конечной цели, а также вразрез нормам международного права, нарушая как собственные, так и международные основополагающие документы. При этом экономические, политические, гуманитарные и другие методы и средства, применяемые в «серой зоне», невозможно реализовать с необходимым успехом без военной компоненты, так как существует риск прямого вооруженного ответа на действия, посягающие на суверенитет государства.

Фактор географического пространства в концепции «серой зоны»

Современный этап трансформации глобальной политики и экономики сопровождается пересмотром принципов регионального деления. В отличие от прежних тенденций, где ключевую роль играла геоэкономическая регионализация, сейчас формирование новых границ происходит на основе военно-политических и географических факторов [23].

Главными инструментами этого процесса становятся не экономические связи, а силовые методы и естественные географические барьеры, обеспечивающие безопасность и защищенность территорий. Таким образом, geopolitика и военная стратегия вытесняют геоэкономику в качестве основного драйвера интеграции пространств. Логика экономической целесообразности, открытого рынка и свободы торговли была дезавуирована элитами тех стран, которые не без определенных оснований упрекали СССР в идеологическом монополизме и изоляционизме.

До начала открытой конфронтации России с государствами Балтийского региона создавались предпосылки для взаимовыгодного сотрудничества, хотя они и характеризовались сложной динамикой, обусловленной историческими, политическими

и экономическими факторами. Период до 2014 г. был временем трансформации, когда прежнее политическое разделение уступило место новым формам взаимодействия, главным образом экономическим, однако полная интеграция России в региональные процессы осталась незавершенной, а государства региона полностью интегрировались в западные структуры [24].

Одной из главных современных географических особенностей Балтийского региона является то, что его составляют только системно враждебные Российской Федерации государства. После окончания Холодной войны и вплоть до 2022 г. напряженность в регионе неуклонно возрастала, а буферные и нейтральные государства отказались от своего статуса [25, с. 177].

Кроме того, в период Холодной войны в регионе сохранялся баланс сил, поддерживаемый паритетом между блоком НАТО и ОВД. Однако после окончания Холодной войны и распада Организации Варшавского договора все государства региона стали членами НАТО, что в свою очередь, повлекло и изменение расстановки военно-политических сил в регионе, а также способствовало постепенному ослаблению отношений между Россией и государствами региона [7; 8; 26]. В этой связи по историческим и географическим причинам именно для Балтийского региона характерно устойчивое поддержание ситуации, которая свойственна «серым зонам» и называется ситуацией «ни мира, ни войны». В этих условиях возникает сложность и неопределенность контроля над пространством, что применимо и к территориям, и к акваториям. Как уже отмечали авторы, одной из основных характеристик «серой зоны» является именно контроль географического пространства.

Например, Дж. Б. Кларк и Ч. Пфафф, обращая внимание на географические особенности Балтийского региона, указывают на возможность концентрации сил союзников по НАТО для ослабления зоны российского военного превосходства [27, р. xiv], а по мнению Р. Кляйна и соавторов, необходимо учитывать, что половина морских грузов из России проходит через Балтийское море, обеспечивая тем самым НАТО и ее партнерам рычаги экономического давления на Россию. В этой связи НАТО, по их мнению, должно лишить Россию выхода в Северную Атлантику и далее в Баренцево море [28]. Значением этой характеристики «серой зоны» является предположение о том, что конфликты в такой зоне, как в отдельно взятом географическом пространстве, можно начинать и прекращать сравнительно легко [29].

Говоря о контроле географического пространства, необходимо отметить, что относительно небольшие территории и акватория Балтийского региона сочетаются с высоким уровнем угроз, проецируемых в случае их захвата на удаленные стратегические территории. Ярким примером такого подхода является формула «Гогланд — ключ к Котлину, Котлин — ключ к Ленинграду». Впервые с 1941 г. на Балтике противник угрожает нам военной, а не только экономической блокадой. Остров Гогланд вынужденно возвращает себе статус военного объекта, чего не было со времен хрущевской демилитаризации военных объектов в Финском заливе [30, с. 13].

По мнению авторов, при анализе современных проблем «серой зоны» на Балтике необходимо обязательно учитывать события Великой отечественной войны с учетом возможностей, средств и методов современных видов вооружения и борьбы с ними.

В частности, большие проблемы для СССР в годы войны создали минные заграждения, поставленные в Финском заливе в 1941—1943 гг. немцами и финнами. На траверзе у мыса Юминда Краснознаменный Балтийский флот понес самые тяжелые потери, когда немцы установили более 93 км минных заграждений вдоль южного берега залива, а северная и центральные части залива простреливались финской береговой артиллерией [31, с. 71]. Эти заграждения так и не были преодолены силами ВМФ Советского Союза в ходе войны, и их приходилось обходить через

непосредственно примыкающие к Финляндии воды. В этой ситуации Балтийский флот, существенно более сильный, чем ВМС Финляндии и немецкие корабли поддержки, реализовать свое преимущество не смог. При этом финский флот по состоянию на 22 июня 1941 г. играл роль прокси-силы для немцев, осуществляя минирование без объявления войны. Особого внимания также заслуживает вопрос об островах Финского залива, которые за исключением о. Котлин до 1940 г. принадлежали Финляндии, что обеспечивало ей контроль обширного пространства акватории Финского залива. Однако с 1940 г. ситуация изменилась и в настоящее время выдвинутые глубоко на запад острова Гогланд, Мощный, Большой и Малый Тютерс принадлежат России.

Очевидна стратегическая роль островов Финского залива, так как они фактически разделяют южный и северный фланги потенциального морского театра военных действий. Занятие этих островов противником позволит ему не только контролировать фарватер Финского залива при подходе к устью Невы, но и фактически «запереть» корабли Балтийского флота на рейде Кронштадта, что даст ему возможность контролировать воздушное пространство от Санкт-Петербурга до Калининграда [31, р. 62]. Таким образом, исторический опыт показывает, что контроль акватории Финского залива критически важен для безопасности Санкт-Петербурга. Так было сто лет назад, пока СССР в 1939 г. не решил проблему стратегической уязвимости Ленинграда.

В этой связи необходимо обратить внимание на мнение американских военных аналитиков К. Хердта и М. Зублича, которые считают, что в Балтийском регионе ВМС США и союзники по НАТО должны использовать обширные возможности Финляндии и Швеции для морского минирования в случае возможного конфликта с Россией, которое поставит под угрозу развертывание ВМС России и ее коммерческое судоходство [32, р. 5 – 7].

Не менее важное стратегическое значение имеют и главные острова Балтийского моря — Борнхольм и Готланд. Первый может быть использован в качестве барьера против России, чтобы лишить ее военные корабли и гражданские суда доступа в Датские проливы, а второй может выступать в качестве места размещения средств ведения разведки и систем ПВО или противокорабельной защиты [33].

Ярким примером географического фактора в определении границ и характеристик «серой зоны» является событие, произошедшее в Литве: затопление американской тяжелой бронемашины в болоте недалеко от белорусской границы. Машина не просто завязла в болоте, хотя и это уже невозможно в Германии, она полностью утонула так, что ее не могли найти неделю и для извлечения была создана правительственная комиссия, которая привлекла до десяти единиц тяжелой спецтехники. Это событие предшествовало развертыванию бронетанковой бригады Бундесвера именно в этом районе и в этих природных условиях. Южная и Восточная Литва, Латгалия выступают как потенциальные театры военных действий в Балтийском регионе, причем именно в контексте сюжетов, связанных с «серой зоной» и новыми рисками.

Не только политическое, но и военное руководство стран Прибалтики плохо представляет собственные страны. Картографирование и тем более топографическая съемка собственной территории на протяжении более сорока лет не являются приоритетом для правительства Эстонии, Латвии, Литвы. Впрочем, и для России и Беларусь подобные сложные, долгостоящие и долговременные задачи не были приоритетом.

Один из авторов данной статьи был членом российской группы в рамках переговорного процесса с Эстонской Республикой по установлению на местности линии государственной границы. Эта работа осуществлялась с 1995 до конца 1997 г. В за-

дачи рабочей группы не входили политические вопросы, а только исследование, привязка существующей на карте линии границы к местности и предложения по ее корректировке. За основу принимались советские карты Генерального штаба, устаревшие на тот момент на несколько десятилетий. Проведенная работа свидетельствовала об абсолютной непригодности данных карт. Старые дороги исчезли, появились новые. На месте лесов оказались сельхозугодья, на месте сельхозугодий — леса. География береговой линии озер изменилась, как и русла рек, местоположение верховых и неземных болот также не соответствовало картам. В случае начала боевых действий имеющиеся карты были бы непригодными. Например, не проходимые в прошлом болота, практически перекрывающие подходы к высотам Синимяэ от Усть-Нарвы до Нарвы, на сегодняшний день отсутствуют. Если раньше от границы к Таллинну шла одна дорога, то сейчас их три.

Аналогичная ситуация складывается на границе с Финляндией. Национальная мифология финнов, связанная с линией Маннергейма, не учитывает того обстоятельства, что сейчас такая система укреплений, стоявшая Финляндии трети средневзвешенного годового бюджета [34, с. 63], не может быть построена, в том числе потому, что в настоящее время ее длина должна быть в 2,8 раза больше. Если в 1939 г. между Ладогой и Финским заливом проходили три более-менее проходимых дороги в направлении с юго-востока на северо-запад, то сейчас их не менее шести в самой узкой части.

Еще одним важным фактором является определение и юридическое закрепление государственных границ в регионе. В частности, линии государственных границ Российской Федерации с Литвой и Латвией определены как на местности, так и в государственных договорах. И напротив, с Эстонской Республикой линия государственной границы хотя и определена на местности, но не закреплена государственным договором, при этом пограничные зоны описаны слабо.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что в Балтийском регионе географическое пространство играет ключевую роль в формировании «серой зоны», когда военно-политические факторы стали преобладать над выгодами экономического сотрудничества. В условиях «серой зоны» контроль над акваториями Финского залива и Балтийского моря, а также их ключевыми островами имеет стратегическое значение, что подтверждается историческим опытом. Кроме того, современные изменения географического ландшафта и политическая неопределенность границ усложняют оценку возникающих угроз. В этой связи милитаризация региона создает риски намеренной или непреднамеренной эскалации. Таким образом, географические особенности Балтийского региона делают его уязвимым для потенциального конфликта, в котором контроль над пространством будет ключевым инструментом.

Анализ военных и невоенных действий НАТО и ЕС в Балтийском регионе

Методы и средства, применяемые НАТО, ЕС и их отдельными государствами-членами для достижения своих стратегических целей в Балтийском регионе, можно разделить на военные и невоенные (политико-дипломатические, экономические, информационно-психологические). Однако общей особенностью их использования является географическое пространство, а именно — географические особенности региона, которые, по мнению западных военных и невоенных аналитиков,

считаются «слабыми сторонами России в регионе»¹. Прежде всего это эксклавное положение Калининградской области и ее зависимость от поставок с основной территории России, узкая береговая линия в Балтийском море, а также узкие фарватерные линии в нейтральных водах Финского залива. В военно-стратегическом плане это сосредоточение кораблей и судов Балтийского флота на двух военно-морских базах в Балтийске и Кронштадте, ограниченный военный ресурс Калининградской области, а также близость ключевых регионов России к границе с государствами — членами НАТО. Учитывая данные «болевые географические точки», руководство НАТО, ЕС и государств региона планирует и проводит действия, направленные на дестабилизацию военно-политической обстановки в Балтийском регионе, зачастую оправдывая их «агрессивной политикой России».

Военные методы и средства включают в себя прежде всего милитаризацию Балтийского региона. Речь идет о расширении НАТО (принятии в Альянс в 2023—2024 гг. Финляндии и Швеции), увеличении военного присутствия в странах региона контингентов других государств НАТО (США, Германии и Великобритании) и коллективных сил Альянса, наращивании и модернизации вооруженных сил стран — членов НАТО в регионе (здесь в авангарде находятся Польша и Германия), строительстве и модернизации военной инфраструктуры.

Приведем несколько примеров военной активности НАТО и его государств-членов в Балтийском регионе за последнее время. Данные мероприятия носят явно демонстрационный, провокационный и агрессивный характер².

В частности, Соединенные Штаты сформировали на территории Германии многоменную оперативную группу (*Multi-Domain Task Force, MDTF*), в составе которой с 2026 г. начнут проводиться эпизодические развертывания новых наземных ракетных комплексов средней и малой дальности *Typhon* с многоцелевыми ракетами *Standard SM-6* (с дальностью полета до 500 км) и *Tomahawk* (с дальностью полета до 1800 км), средней дальности *Dark Eagle* (с дальностью полета до 2700 км), с перспективными ракетами с гиперзвуковым боевым блоком в неядерном исполнении, которые входят в американскую военную доктрину «глобального обезоруживающего удара». С 2022 г. удвоилось количество военнослужащих США, находящихся в Польше, которое достигло примерно 10 тыс. чел. Соединенные Штаты создали в Польше постоянный гарнизон армии США (*USAG-P*), открыли базу ПРО (г. Редзиково) и комплекс долгосрочного хранения и обслуживания военной техники (г. Повидз). Также США начали военное присутствие на базе Реэдо (Эстония), расположенной в 45 км от границы с Россией.

В г. Миккели (Финляндия) в 300 км от Санкт-Петербурга формируется штаб Многокорпусного командования сухопутных войск НАТО (*Multi-Corps Land Component Command – MCLCC*). Кроме того, Соединенные Штаты получили беспрепятственный доступ к 15 военным объектам в Финляндии, часть из которых находится в непосредственной близости от российской границы, а также к 17 объектам в Швеции.

Германия 22 мая 2025 г. впервые в истории Бундесвера начала разворачивать за рубежом воинский контингент на постоянной основе — 45-ю танковую бригаду, дислоцированную в Литве.

¹ Russia's Military Modernization: A Challenge for NATO, 2017, London, Chatham House, URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/2016-03-russia-new-tools-giles.pdf> (дата обращения: 30.03.2025); Заполняя балтийский пробел НАТО, 2016, International Centre for Defence and Security (ICDS), URL: https://icds.ee/wp-content/uploads/2016/ICDS_Report-Closing_NATO_s_Baltic_Gap-RUS.pdf (дата обращения: 30.03.2025).

² См. подробнее: [2].

В июле 2025 г. Великобритания привела 4-ю бригадную боевую группу в состояние высокой боевой готовности в целях ее дальнейшего развертывания на территории Эстонии.

В июле 2024 г. Многонациональная боевая группа НАТО в Латвии, возглавляемая канадским командованием, была преобразована в Многонациональную бригаду НАТО «Латвия» с почти двукратным увеличением численности личного состава и техники.

Для управления операциями НАТО в Балтийском море в Ростоке (Германия) в октябре 2024 г. был создан региональный военно-морской штаб *CTF Baltic*.

В январе 2025 г. была начата операция НАТО *Baltic Sentry* для защиты критической подводной инфраструктуры Балтийского моря. Фактически данная операция проводится многонациональными силами НАТО для борьбы с российским «теневым нефтегазовым флотом» и организации возможной блокады Финского залива для российских судов.

Кроме расширения военной инфраструктуры в Балтийском регионе регулярно проводятся масштабные учения НАТО и многонациональные учения под руководством командования США в Европе, такие как *DEFENDER-Europe*, *BALTOPS*, *Steadfast Defender*, *Anakonda*, *Dragon*, *Thunder Storm*, *Brave Griffin*, *Griffin Lightning* и др. Количество и масштабы учений значительно увеличились после начала российской специальной военной операции в феврале 2022 г. При этом их число у российских границ достигло 40 в год¹, а замысел и сценарии учений носят выраженный наступательный характер вопреки заявлению представителей НАТО об «оборонительном характере учений». В ходе учений, в частности, отрабатываются переброска на восточный фланг НАТО в Балтийском регионе дополнительных сил и средств, ведение наступательных операций, нанесение ракетно-бомбовых ударов по Калининградской области, действия по высадке воздушных и морских десантов, по морскому минированию, блокированию российского Балтийского флота и российского судоходства на Балтике и т. д.

Самолеты стран НАТО (прежде всего США, Великобритании, Германии, Франции и Швеции) активно ведут радиотехническую и радиоэлектронную разведку на Балтике, изучая потенциальные театры военных действий на территории Калининградской и Ленинградской областей и акватории Балтийского моря.

Кроме того, высокопоставленными военнослужащими стран НАТО неоднократно раздаются угрозы в отношении Калининградской области. В частности, командующий сухопутных сил Польши генерал В. Скшипчак неоднократно заявлял о необходимости «вернуть Калининград силой» и «уничтожить российский форпост в Европе»². В июле 2025 г. командующий армией США в Европе и Африке генерал К. Донахью публично заявил, что армия и ее союзники теперь имеют возможность «снести его [Калининград] с лица земли в неслыханные сроки и быстрее, чем мы когда-либо могли сделать»³. Заявления представителей Прибалтийских государств

¹ Герасимов: число учений НАТО у границ РФ достигло 40 в год, 2024, *TASS*, 18 декабря 2024, URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/22703753> (дата обращения: 20.04.2025).

² Wojsko wzmacnia granice z Białorusią i Rosją. Gen. Skrzypczak: To nie ma nic wspólnego z fortyfikacją, 2024, *Rzecz Pospolita*, 06.02.2024, URL: <https://www.rp.pl/wojsko/art39791601-wojsko-wzmacnia-granice-z-bialorusia-i-rosja-gen-skrzypczak-to-nie-ma-nic-wspolnego-z-fortyfikacja> (дата обращения: 22.07.2025).

³ Judson Jen. Army Europe chief unveils NATO eastern flank defense plan, 2025, *Defense News*, Jul 17, URL: <https://www.defensenews.com/land/2025/07/16/army-europe-chief-unveils-nato-eastern-flank-defense-plan/> (дата обращения: 23.07.2025).

относительно военного решения вопроса с Калининградской областью и морским российским судоходством в Балтийском море звучат с такой периодичностью, что их упоминание в целях данной статьи авторы считают нецелесообразным.

Таким образом, авторы полагают, что со стороны коллективного Запада ведется открытая демонстрация силы, которая свидетельствует о переходе потенциально-го противника от концепции сдерживания к концепции устрашения. Фактически речь идет об ограниченном использовании вооруженных сил против интересов Российской Федерации и ее безопасности. Демонстрация силы, в свою очередь, играет роль военного прикрытия для использования против России политических и экономических средств и методов, а наличие большого количества вооруженных сил НАТО и стран НАТО в Балтийском регионе ограничивает возможность России симметрично реагировать на внешнее давление военной силой или угрозой ее применения.

Кроме военных методов западной коалицией активно используются также и политico-дипломатические методы и средства. К прямым можно отнести фактически «выдавливание» Российской Федерации из международных организаций, таких как Совет государств Балтийского моря, Северный совет, Союз балтийских городов и др., прекращение работы Совета «Россия — НАТО», попытки оспорить полномочия российской делегации в Парламентской ассамблее ОБСЕ и т. п.

Косвенные политico-дипломатические методы — это понижение уровня дипломатических отношений России с Литвой, Латвией и Эстонией, закрытие российских консульств в Германии, Польше, странах Прибалтики, высылка российских дипломатов из всех государств региона. Кроме того, Польша и страны Прибалтики с 19 сентября 2022 г. запретили въезд гражданам России с действующими шенгенскими визами, а также прекратили выдачу им виз. Финляндия с 30 сентября 2022 г. закрыла границу для российских туристов. На личных автомобилях, зарегистрированных в России, нельзя въезжать в страны Евросоюза, и даже в случае частной поездки автомобили могут быть конфискованы. Участились случаи отказа во въезде гражданам РФ на границе со странами ЕС без объяснения причин.

Кроме того, к косвенным политico-дипломатическим методам давления на Россию можно отнести усиление дискриминации русскоязычного населения в странах Прибалтики, поддержку Западом несистемной российской оппозиции, бежавшей из России (одними из ее главных центров за рубежом стали Вильнюс и Варшава), а также угрозы «закрыть» Балтийское море или Финский залив для России, звучавшие, к примеру, от президента Латвии Э. Ринкевичса¹ и командующего вооруженными силами Эстонии А. Мерило².

К экономическим методам и средствам давления на Россию можно отнести политику санкций, нацеленную на экономическую изоляцию России, создание для нее экономических проблем, которые, по замыслу авторов санкций, должны повлечь за собой политическую дестабилизацию и в идеале для них смену политической власти в России. При этом все страны Балтийского региона, входящие в Евросоюз, не только участвуют в санкциях ЕС против России, но и являются их главными инициаторами.

Кроме того, с лета 2022 г. Евросоюзом и Литвой ограничен грузовой транзит по суше с основной территории России в Калининградскую область и обратно [35,

¹ В Кремле ответили на угрозы Латвии закрыть для России Балтийское море, 2023, РИА Новости, 23.10.2023, URL: <https://ria.ru/20231023/more-1904635928.html> (дата обращения: 20.04.2025).

² МИД оценил возможное закрытие Финского залива для российских судов, 2024, РБК, 01.10.2024, URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2024/66fb7fd89a7947886759efe6> (дата обращения: 20.04.2025).

с. 47]. При этом полностью запрещены российские грузовые автомобильные перевозки в Европейский союз, вход в порты стран Евросоюза судов под российским флагом, а также судов под иностранными флагами, перевозящих российскую нефть (исключения распространяются на медицинские, продовольственные, энергетические и гуманитарные цели).

К методам прямого экономического давления на Россию в Балтийском регионе, как мы полагаем, следует отнести диверсию на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток — 2». По мнению президента России В. В. Путина, это, «скоро всего, сделали американцы или кто-то с их подачи»¹. Однако наиболее ярким примером создания экономических угроз Российской Федерации, с нашей точки зрения, являются попытки захвата нефтяных танкеров, используемых в интересах России и идущих в акватории Балтийского моря под иностранными флагами (в западной терминологии — «теневого флота России»)², а также организация против них диверсионных актов³.

Главная особенность информационно-психологических методов и средств, по нашему мнению, — их косвенное влияние на общую обстановку в регионе. Объектами этих методов выступают как российское население, которое западные средства массовой информации при непосредственном участии западных спецслужб стремятся дезинформировать и настроить против существующей власти, так и жители стран Балтийского региона, входящих в ЕС и НАТО. Во втором случае целью дезинформации и пропаганды является культурация «образа врага» в лице России и педалирование тезиса о «российской угрозе», что помогает правительству этих государств обеспечить себе поддержку как собственной милитаризации, так и милитаризации всего Балтийского региона. Кроме того, факторы дезинформации и пропаганды об «угрозе с востока» также позволяют манипулировать гражданским обществом стран в интересах антироссийских проглобалистских элит.

В авангарде этой деятельности находятся как расположенные за пределами Балтийского региона центры информационно-психологической войны, так и центры, дислоцированные в самом регионе. Среди последних можно выделить Центр передового опыта НАТО в области совместной киберзащиты (Эстония), Центр передового опыта НАТО в области энергетической безопасности (Литва), Центр передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций (Латвия) и Европейский центр по противодействию гибридным угрозам (Финляндия).

Цель всех методов и средств, применяемых НАТО, ЕС и их отдельными государствами-членами в Балтийском регионе, — ослабление России в регионе в длительной перспективе, российской экономики (через Балтику проходит более половины российского морского экспорта нефти⁴), нанесение ущерба государственному имиджу Российской Федерации, создание экономических сложностей

¹ Путин допустил, что «Северные потоки» взорвали американцы, 2023, ТАСС, 14 декабря, URL: <https://tass.ru/ekonomika/19539217> (дата обращения: 20.04.2025).

² В Эстонии задержали следовавший в Россию танкер, 2025, РБК, 11.04.2025, URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2025/67f900a79a7947de6c98260c> (дата обращения: 20.04.2025).

³ «Диверсия в чистом виде»: эксперты рассказали о возможных причинах ЧП на танкере Koala, 2025, Московский комсомолец, 10.02.2025, URL: <https://www.mk.ru/incident/2025/02/10/diversiya-v-chistom-vide-eksperty-rasskazali-o-vozmozhnykh-prichinakh-chp-na-tankere-koala.html> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ Танкерам с российской нефтью хотят закрыть Балтийское море, 2025, Российская газета, 11 февраля 2025, URL: <https://rg.ru/2025/02/11/tankeram-s-rossijskoj-neftiu-hotiat-zakryt-baltijskoe-more.html> (дата обращения: 25.03.2025); Denmark could block Russian oil tankers from reaching markets, 2023, Financial Times, November 15, URL: <https://www.ft.com/content/6409ed38-73f4-46b3-b0f1-649c5e5b79db> (дата обращения: 25.03.2025).

для эксклавной Калининградской области для уменьшения ее связей с Россией. Еще одна цель – вынудить Российскую Федерацию к наращиванию и «растягиванию» Вооруженных сил России вдоль западной границы, а, по сути, к отвлечению части сил и средств в период проведения специальной военной операции.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что НАТО и Европейский союз системно используют против Российской Федерации военные и невоенные методы для создания в Балтийском регионе «серой зоны», направленной на подрыв ее экономического и политического суверенитета. При этом военные методы, такие как милитаризация региона, увеличение количества и масштабов проводимых учений, которые носят явно выраженный демонстрационный характер, сочетаются с невоенными методами, а в ряде случаев служат их основанием или дополнением.

По мнению авторов, указанные действия в отношении России в Балтийском регионе, говорят о стремлении западной коалиции вынудить Российскую Федерацию к асимметричному военному ответу на них, что, в свою очередь, позволит обвинить Российскую Федерацию в «преднамеренной агрессии», выставить ее «агрессором» в глазах мирового сообщества, а также начать применение против нее более жестких средств и методов политического и экономического давления, включая военные.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые тенденции в стратегии НАТО и ЕС в Балтийском регионе, направленной на формирование «серой зоны», то есть пространства нестабильности, в котором сочетаются военные и невоенные методы политического и экономического давления на Россию. Анализ показал, что действия НАТО, ЕС и их государств-членов носят системный и комплексный характер, включая милитаризацию региона, экономические санкции, политico-диplomatickую изоляцию и информационно-психологическое воздействие.

В настоящее время Балтийский регион превратился в один из ключевых плацдармов противостояния между Россией и коллективным Западом. Расширение НАТО за счет Финляндии и Швеции привело к изменению баланса сил в регионе и создало сплошной пояс Альянса вдоль российских границ.

В Балтийском регионе через комбинацию мер, остающихся ниже порога открытого военного конфликта, но системно подрывающих безопасность России, фактически реализуется концепция «серой зоны». Главной особенностью этой стратегии является ее этапность: наращивание военного присутствия, экономическое «удушение» и информационная война формируют новую политическую реальность, в которой Россия вынуждена действовать в условиях перманентного кризиса. При этом все указанные методы и средства реализуются в контексте нарушения или несоблюдения норм международного права.

Военная составляющая давления включает в себя не только наращивание контингентов НАТО в Польше и Прибалтике, но и регулярные учения, имитирующие наступательные операции, в том числе на Калининградскую область, и блокирование для России Балтийского моря и Финского залива.

Демонстрация силы, такая как полеты самолетов-разведчиков и стратегических бомбардировщиков B-52H у границ России, служит инструментом устрашения, подкрепляющим невоенные методы воздействия. При этом правовая неопределенность позволяет Западу избегать прямой ответственности, сохраняя возможность отрицать агрессивные намерения.

Политико-дипломатические методы направлены на изоляцию России через ее выдавливание из региональных организаций, разрыв консульских связей, дискриминацию русскоязычного населения в Прибалтийских государствах и изменение исторической памяти.

Экономические санкции, включая блокаду калининградского транзита и диверсии против энергетической инфраструктуры, преследуют цель дестабилизировать российские регионы, усиливая социально-политическое напряжение.

Информационно-психологическая война, координируемая через центры НАТО в Эстонии, Латвии и Литве, нацелена на манипуляцию общественным сознанием как в России, так и в странах Альянса, формируя образ России как «агрессора», представляющего экзистенциальную угрозу для «цивилизованного» Запада.

При этом ключевую роль в противостоянии России и Запада играет географический фактор. В частности, контроль над островами Балтийского моря, такими как Гогланд и Готланд, короткая береговая линия России в Балтийском море и контроль Финляндией и Эстонией входа в Финский залив исторически доказали свою значимость, так как современные планы НАТО по использованию Скандинавских стран для морской блокады повторяют сценарии Второй мировой войны.

Правовая неопределенность «серой зоны» осложняет ответные действия России, поскольку традиционные нормы международного права не учитывают гибридные угрозы. Отсутствие четких критериев агрессии в киберпространстве, экономическом принуждении или информационных атаках позволяет Западу действовать безнаказанно. Однако, как показывает анализ, военная сила остается неотъемлемым элементом этой стратегии, создавая фон для невоенного давления.

Таким образом, по мнению авторов, Балтийский регион сегодня представляет собой классический пример «серой зоны», где конфликт существует в допоровом формате, но несет в себе риски эскалации. Не вызывает сомнений, что действия НАТО и ЕС направлены на долгосрочное ослабление России и их эффективность во многом зависит от способности Москвы не только адаптироваться к гибридным вызовам, но и применять асимметричные ответные меры.

Учитывая исторический опыт и текущие тенденции, можно прогнозировать дальнейшее ужесточение противостояния, в котором военно-силовые методы будут все теснее переплетаться с экономическими, политическими и информационными. В этих условиях России необходимо разрабатывать комплексные меры противодействия, сочетающие военное сдерживание, правовое противодействие и укрепление региональной устойчивости и безопасности, прежде всего Калининградской области.

Финансирование. Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта*.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР №FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйствственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»)**.

Список литературы

1. Лачининский, С. С., Сяолинь, Л. 2021, Геополитические риски и перспективы отношений России и Запада на Балтике, *Псковский региональный журнал*, т. 17, № 4, с. 3—15, EDN: GNSEBG, <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>

2. Зверев, Ю. М., Струковатый, В. В. 2025, *Россия и НАТО: противостояние на Балтике*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, EDN: SCSFVL

* В. В. Струковатый, Ю. М. Зверев.

** Н. М. Межевич.

3. Bartoš, A. A. 2023, *Вопросы теории гибридной войны*, Москва, Изд-во Горячая линия — Телеком, URL: https://www.techbook.ru/book.php?id_book=1238 (дата обращения: 05.03.2025).
4. Ксенофонтов, В. А. 2022, Гибридная агрессия как тенденция социального насилия, *Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс*, №1, с. 45—51, EDN: QVCFRS
5. Eisenstadt, M. 2021, Iran's Gray Zone Strategy: Cornerstone of its Asymmetric Way of War. *PRISM*, vol. 9, №2, p. 76—97, URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2541911/irans-gray-zone-strategy-cornerstone-of-its-asymmetric-way-of-war/> (дата обращения: 05.03.2025).
6. Герасимов, В. В. 2016, Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны, *Вестник Академии военных наук*, №2, с. 19—23, EDN: ZMVTPR
7. Bartoš, A. A. 2022, Законы и принципы гибридной войны, *Военная мысль*, №10, с. 6—14, EDN: VORGXZ
8. Bartoš, A. A. 2021, «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны, *Военная мысль*, №3, с. 25—37, EDN: ECQDYY
9. Hoffman, F. 2007, *Conflict in the 21th Century: the Rise of Hybrid Wars*, Virginia, Potomac Institute, URL: https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
10. Sinclair, N. 2016, Old Generation Warfare: The Evolution — Not Revolution — of the Russian Way of Warfare, *Military Review*, May—June, p. 8—15, URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20160630_art006.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
11. Rudgers, D. F. 2000, The Origins of Covert Action, *Journal of Contemporary History*, vol. 35, №2, p. 249—331, <https://doi.org/10.1177/002200940003500206>
12. Nye, J. S. 2011, *The Future of Power*, New York: Public Affairs, URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/19290_100511nye.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
13. Герасимов, В. В. 2019, Векторы развития военной стратегии, *Красная звезда*, 4 марта 2019, URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (дата обращения: 12.02.2025).
14. Galeotti, M. 2014, The Gerasimov doctrine and Russian non-linear war, *Moscow's Shadows*, vol. 6, №7, URL: <https://founderscode.com/wp-content/uploads/2016/07/Gerasimov-Doctrine-and-Russian-Non-Linear-War-In-Moscow-s-Shadows.pdf> (дата обращения: 29.03.2025).
15. Pindják, P. 2014, Deterring Hybrid Warfare: A Chance for NATO and the EU to Work Together?, *NATO Review*, URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm> (дата обращения: 29.03.2025).
16. Гареев, М. А., Дербин, Е. А., Турко, Н. И. 2019, Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн и вооруженных конфликтов, *Вестник Академии военных наук*, №1, с. 4—13, EDN: ZPJATN
17. Mazarr, M. J. 2015, *Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict*, Carlisle: U. S. Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/428/> (дата обращения: 29.03.2025).
18. Чекинов, С. Г., Богданов, С. А. 2015, Прогнозирование характера и содержания войн будущего: проблемы и суждения, *Военная мысль*, №10. с. 41—49, EDN: UKKGZD
19. Votel, J. 2015, Statement of General Joseph L. Votel Before the House Armed Services Committee Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities, March 18, 2015, URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Votel_03-26-15.pdf (дата обращения: 29.03.2025).
20. Corten, O. 2021. *The Law Against War: The Prohibition on the Use of Force in Contemporary International Law*, London, Bloomsbury Publishing, <https://doi.org/10.5040/9781509949021>
21. Fortin, K. 2017. *The Accountability of Armed Groups under Human Rights Law*. Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808381.001.0001>
22. Lanoszka, A. 2016, Russian hybrid warfare and extended deterrence in eastern Europe, *International Affairs*, vol. 92, №1, p. 175—195, <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>

23. Евстафьев, Д. Г. 2025, «Серые зоны» и «дикое поле» как геополитические феномены периода кризиса глобализации, *Международная жизнь*, №4, URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3188> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Kivikari, U., Antola, E. 2004. *Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe*. City of Turku, URL: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kivikari_Antola_72004.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
25. Худолей, К. К. 2016, Россия и Европейский союз: возможно ли сотрудничество в регионе Балтийского моря?, *Прибалтийские исследования в России: Материалы Международной научной конференции*, Калининград, EDN: ХАРМЧН
26. Худолей, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, №1, с. 7—25, EDN: VOFDRT, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
27. Clark, J. P. (COL), Pfaff, C. 2020, *Striking the Balance: US Army Force Posture in Europe 2028*, Carlisle, US Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/911/> (дата обращения: 15.04.2025).
28. Klein, R., Lundqvist, S., Sumangil, E. 2019, Baltic Left of Bang: The Role of NATO with Partners in Denial-Based Deterrence, National Defense University, November 2021, URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-301.pdf?ver=2019-07-23-142433-990> (дата обращения: 10.02.2025).
29. Freier, N. P., Hume, R. S., Compton, C., Hankard, S. 2016, Confronting Conflict in the «Cray Zone», *Breaking Defense*, June 23, 2016, URL: <https://breakingdefense.com/2016/06/confronting-conflict-in-the-gray-zone> (дата обращения: 25.03.2025).
30. Хлутков, А.Д., Межевич, Н.М. 2024, «Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик, *Управленческое консультирование*, №6, с. 9—17, EDN: PZVKRE, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-9-17>
31. Стриюковатый, В. В. 2024, Геостратегическое положение России на Балтике как угроза морской блокады в современных условиях, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки*, №1, с. 57—75, EDN: DUXJPN, <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
32. Herdt, C., Zublic, M. 2022, Baltic Conflict: Russia's Goal to Distract NATO? Center for Strategic and International Studies, November 2022, URL: https://cesmar.it/wp-content/uploads/2023/04/221114_Herdt_Baltic_Conflict_0.pdf (дата обращения: 16.02.2025).
33. Stambaugh, A., Horowitz, J., Toh, M. 2022, G7 countries agree to cap the price of Russian oil, *CNN Business*, URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/02/business/russia-oil-price-cap-g7-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 26.03.2025).
34. Барышников, В. Н. 2014, Роль международной финансово-экономической помощи Финляндии в войне против СССР 1939—1940 гг., *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, №3, с. 59—72, EDN: SMCFUH
35. Гуменюк, И. С. 2024, *Мониторинг и анализ обеспечения транспортной безопасности на калининградском направлении*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, EDN: AFOWFM

Об авторах

Владимир Валерьевич Стриюковатый, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0009-0006-1242-091X>

E-mail: v.v.stryukovatyy@yandex.ru

Николай Маратович Межевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

E-mail: mez13@mail.ru

Юрий Михайлович Зверев, кандидат географических наук, доцент, Институт управления и территориального развития, директор, Центр зарубежного региона-ведения и страноведения Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

E-mail: YZverev@kantiana.ru

 Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works [https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en\(CCBY-NC-ND4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en(CCBY-NC-ND4.0))

THE BALTIC REGION AS A 'GREY ZONE': BALANCING ON THE BRINK OF ARMED CONFLICT

V. V. Stryukovatyy¹

N. M. Mezhevich²

Yu. M. Zverev¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
11/3 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russia

Received 14 April 2025

Accepted 10 September 2025

doi: 10.5922/2079-8555-2025-4-2

© Stryukovatyy, V. V., Mezhevich, N. M.,
Zverev, Yu. M., 2025

The article analyses the Baltic region as an arena of intensified Russia—West confrontation, applying the 'grey zone' concept understood as a domain where traditional military threats intersect with hybrid forms of influence. The authors examine the factors contributing to the escalation of tension in the region, including militarisation, economic sanctions, information pressure, and the use of proxy instruments. Particular attention is given to the geographical and legal conditions shaping strategic instability, as well as to historical precedents, most notably World War II, which, in the authors' view, helps contextualise contemporary risks. The article outlines the methods used by NATO and the Baltic States in constructing the 'grey zone', including the expansion of military presence, the manipulation of legal frameworks, and the deployment of non-military instruments of pressure. The authors conclude that the Baltic region is approaching the threshold of open conflict, and Western policies are interpreted as efforts to constrain Russian influence without resorting to direct military engagement. The study employs comparative analysis, qualitative content analysis of key sources, and event analysis of the actions of EU and NATO member states to assess perceived threats and the dynamics of regional instability.

Keywords:

Baltic region, 'grey zone', armed conflict, NATO, EU, confrontation

Funding. This research was supported by the Russian Federal Academic Leadership Programme Priority 2030 at Immanuel Kant Baltic Federal University.*

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (research project №FMZS-2024-0013 "System analysis of economic and political risks and opportunities of the Baltic-Scandinavian macro-region")^{2**}.

References:

1. Lachininskii, S., Xiaoling, L. 2021, The geopolitical risks and prospects for Russia-Western relations in the Baltic region, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, №4, p. 3—15 (in Russ.), <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>
2. Zverev, Yu. M., Stryukovaty, V. V. 2025, *Russia and NATO: Confrontation in the Baltic, Kaliningrad* (in Russ.).
3. Bartosh, A. A. 2023, *Issues of Hybrid Warfare Theory*, Moscow, Hotline — Telecom Publishing House (in Russ.), URL: https://www.techbook.ru/book.php?id_book=1238 (accessed 05.03.2025).
4. Ksenofontov, V. A. 2022, Hybrid aggression as a trend in social violence, *Higher School: Scientific, Methodological, and Public Journal*, №1, p. 45—51 (in Russ.).
5. Eisenstadt, M. 2021, Iran's Gray Zone Strategy: Cornerstone of its Asymmetric Way of War. *PRISM*, vol. 9, №2, p. 76—97, URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2541911/irans-gray-zone-strategy-cornerstone-of-its-asymmetric-way-of-war/> (accessed 05.03.2025).
6. Gerasimov, V. V. 2016, The Russian Federation defense organization in the conditions of the enemy application the traditional and "hybrid" methods of the war fighting, *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, №2, p. 19—23 (in Russ.).
7. Bartosh, A. 2022, The laws and principles of hybrid warfare, *Military thought*, №10, p. 6—14 (in Russ.).
8. Bartosh, A. 2021, "Grey areas" as the key element of today's operational space of hybrid warfare, *Military thought*, №3, p. 25—37 (in Russ.).
9. Hoffman, F. 2007, *Conflict in the 21th Century: the Rise of Hybrid Wars*, Virginia, Potomac Institute, URL: https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf (accessed 05.03.2025).
10. Sinclair, N. 2016, Old Generation Warfare: The Evolution — Not Revolution — of the Russian Way of Warfare, *Military Review*, May—June, p. 8—15, URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20160630_art006.pdf (accessed 05.03.2025).
11. Rudgers, D. F. 2000, The Origins of Covert Action, *Journal of Contemporary History*, vol. 35, №2, p. 249—331, <https://doi.org/10.1177/002200940003500206>
12. Nye, J. S. 2011, *The Future of Power*, New York, Public Affairs, URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/19290_100511nye.pdf (accessed 05.03.2025).
13. Gerasimov, V. V. 2019, Vectors of Military Strategy Development, *Krasnaya Zvezda*, March 4, 2019 (in Russ.), URL: <http://redstar.ru/vektory-razvitiya-voennoj-strategii/> (accessed 12.02.2025).
14. Galeotti, M. 2014, The Gerasimov doctrine and Russian non-linear war, *Moscow's Shadows*, vol. 6, №7, URL: <https://founderscode.com/wp-content/uploads/2016/07/Gerasimov-Doctrine-and-Russian-Non-Linear-War-In-Moscow-s-Shadows.pdf> (accessed 29.03.2025).
15. Pindják, P. 2014, Deterring Hybrid Warfare: A Chance for NATO and the EU to Work Together?, *NATO Review*, URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm> (accessed 29.03.2025).

* V. V. Stryukovatyy, Yu. M. Zverev.

** N. M. Mezhevich.

16. Gareev, M. A., Derbin, E. A., Turko, N. I. 2019, Discourse: methodology and practice of improving strategic management of national defense, taking into account the nature of future wars and armed conflicts, *Bulletin of the Academy of Military Sciences*, № 1, p. 4—13 (in Russ.).
17. Mazarr, M.J. 2015, *Mastering the Gray Zone: Understanding a Changing Era of Conflict*, Carlisle: U. S. Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/428/> (accessed 29.03.2025).
18. Chekinov, S., Bogdanov, S. 2015, Predicting the nature and content of future wars: problems and opinions, *Military thought*, № 10, p. 41—49 (in Russ.).
19. Votel, J. 2015, Statement of General Joseph L. Votel Before the House Armed Services Committee Subcommittee on Emerging Threats and Capabilities, March 18, 2015, URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Votel_03-26-15.pdf (accessed 29.03.2025).
20. Corten, O. 2021. *The Law Against War: The Prohibition on the Use of Force in Contemporary International Law*, London, Bloomsbury Publishing, <https://doi.org/10.5040/9781509949021>
21. Fortin, K. 2017. *The Accountability of Armed Groups under Human Rights Law*. Oxford, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198808381.001.0001>
22. Lanoszka, A. 2016, Russian hybrid warfare and extended deterrence in eastern Europe, *International Affairs*, vol. 92, № 1, p. 175—195, <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12509>
23. Evstafiev, D. G. 2025, “Grey Zones” and “Wild Fields” as Geopolitical Phenomena of the Globalization Crisis Period, *International Life*, № 4 (in Russ.), URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3188> (accessed 15.04.2025).
24. Kivikari, U., Antola, E. 2004. *Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe*. City of Turku, URL: https://www.utu.fi/sites/default/files/media/Kivikari_Antola_72004.pdf (accessed 15.04.2025).
25. Khudoley, K. K. 2016, Russia and the European Union: Is Cooperation Possible in the Baltic Sea Region?, *Baltic Studies in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference*, Kaliningrad (in Russ.).
26. Khudoley, K. K. 2016, The Baltic Sea Region and increasing international tension, *Baltic Region*, vol. 8, № 1, p. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
27. Clark, J. P. (COL), Pfaff, C. 2020, *Striking the Balance: US Army Force Posture in Europe 2028*, Carlisle, US Army War College Press, URL: <https://press.armywarcollege.edu/monographs/911/> (accessed 15.04.2025).
28. Klein, R., Lundqvist, S., Sumangil, E. 2019, Baltic Left of Bang: The Role of NATO with Partners in Denial-Based Deterrence, National Defense University, November 2021, URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-301.pdf?ver=2019-07-23-142433-990> (accessed 10.02.2025).
29. Freier, N. P., Hume, R. S., Compton, C., Hankard, S. 2016, Confronting Conflict in the «Cray Zone», *Breaking Defense*, June 23, 2016, URL: <https://breakingdefense.com/2016/06/confronting-conflict-in-the-gray-zone> (accessed 25.03.2025).
30. Khlutkov, A. D., Mezhevich, N. M. 2024, “New Geography” of the Russian North-West — External Challenges for Management Practices, *Administrative Consulting*, № 6, p. 9—17 (in Russ.), <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-6-9-17>
31. Stryukovaty, V. V. 2024, Russia’s geostrategic position in the Baltic area as a threat of naval blockade in the current circumstances, *IKBFU’s Vestnik. Series: Natural Sciences*, № 1, p. 57—75 (in Russ.), <https://doi.org/10.5922/gikbfu-2024-1-4>
32. Herdt, C., Zublic, M. 2022, Baltic Conflict: Russia’s Goal to Distract NATO? Center for Strategic and International Studies, November 2022, URL: https://cesmar.it/wp-content/uploads/2023/04/221114_Herdt_Baltic_Conflict_0.pdf (accessed 16.02.2025).
33. Stambaugh, A., Horowitz, J., Toh, M. 2022, G7 countries agree to cap the price of Russian oil, *CNN Business*, URL: <https://edition.cnn.com/2022/09/02/business/russia-oil-price-cap-g7-intl-hnk/index.html> (accessed 26.03.2025).
34. Baryshnikov, V. N. 2014, The role of international financial and economic aid to Finland in the war against the Soviet union in 1939—1940, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, № 3, p. 59—72 (in Russ.).
35. Gumenyuk, I. S. 2024, *Monitoring and analysis of transport security in the Kaliningrad region*, Kaliningrad (in Russ.).

The authors

Vladimir V. Stryukovatyy, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0009-0006-1242-091X>

E-mail: v.v.stryukovatyy@yandex.ru

Prof **Nikolai M. Mezhevich**, Senior Research Fellow, Institute of Europe of the Russian Academy of Science, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3513-2962>

E-mail: mez13@mail.ru

Dr **Yury M. Zverev**, Associate Professor, Director of the Centre for Foreign Regional and Country Studies, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5048-7481>

E-mail: YZverev@kantiana.ru

 Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)